

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 141 – 145

УДК 801.82:82.0+7.038.6

ТЕКСТ И НАРРАТИВ КАК ПРОБЛЕМА ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ТЕОРИИ

А. А. Мунтян, О. П. Власова

*Днепропетровский национальный университет
железнодорожного транспорта им. академика В. Лазаряна,
г. Днепропетровск*

В статье рассматриваются актуальные проблемы современной нарратологии как теории и практики литературоведения в русле общих философских воззрений постмодернизма на текст, контекст и дискурс.

Ключевые слова: дискурс, повествование, постмодернизм, текст, литература, интертекст, репрезентация, говорение.

Для многих ученых культура постмодерна, официально задекларировавшая свое существование с середины 50-х годов XX в., — это «время знака». Время, когда медиа-образы, виды и способы информации, «режимы сигнификации» и «эстетизация» ежедневной жизни стали главной чертой современного опыта (К. Пламмер). Время конца «grand narratives» — период фрагментарности, деструктуризации, децентрализации. По мысли М. Хоркхаймера и Т. Адорно, разум более не является самозаконодателем, нормы, ценности и модели функционирования, диктуемые наукой, единообразны и не терпят возражения, а потому Просвещение есть обман масс [1].

Проработав некоторые концепции М. Фуко и Ю. Хабермаса о «легитимации» знания, постмодернизм рассматривает любую форму вербальной организации этого знания как специальный тип дискурса-повествования. Согласно Ж.-Ф. Лиотару, среди множества «языковых игр» попытка легитимации собственного статуса ведет к возникновению «метадискурсов», последние принимают форму метанарративов. Ученый пишет, что если все упростить до предела, то под постмодернизмом понимается недоверие к метанарративам [2]. Для Просвещения целью любого познавательного отношения человека к миру является познание истины. Постмодернизм отрицает объективную данность истины, и любая попытка обнаружить истинную сущность вещей обречена на неудачу, поскольку истина — не более, чем лингвистический, исторический и социальный конструкт. Язык, утверждает Ж. Деррида, предшествует бытию, конструирует его. Текстуальность завладевает онтологией. Экстралингвистическая реальность есть иллюзия, мир есть текст. Изучение литературы — это изучение интертекстуальности. Деррида трактует человеческую деятельность в целом как чтение безграничного текста мира, заостряя при этом проблемы дискурсивности, неопределенности значений. Скрещивание и взаимопроницаемость языков в интертексте образуют метаязык деконструкции, разру-

шающей бинарные оппозиции логоцентризма: голос/письмо, означаемое/означающее, сознательное/бессознательное, реальность/образ, вещь/знак, где первый элемент всегда имеет привилегированное положение. Постмодернистский писатель или художник находится в положении философа: текст, который он пишет, произведение, которое он создает, в принципе не подчиняются заранее установленным правилам, им нельзя вынести окончательный приговор, применяя к ним общеизвестные оценки. Этим и объясняется тот факт, что произведение и текст обладают характером события. В противоположность модернистам постмодернисты отвергают все метаповествования, все системы объяснения реальности, которые человек традиционно применял для осмысления своего положения в мире.

Несколько иную по сравнению с Лиотаром трактовку понятия «метанарратив» дает Ф. Джеймсон, утверждая, что повествование — не столько литературная форма или структура, сколько эпистемологическая категория. Подобно кантовским категориям времени и пространства, она может быть понята не как черта нашего эмпирического восприятия, а как одна из абстрактных координат, внутри которых мы познаем мир. При этом все, что репрезентирует себя как существующее за пределами какой-либо «истории», может быть опосредовано сознанием только в виде повествовательной фикции, вымысла. Иными словами, мир доступен и открывается человеку лишь в виде историй, рассказов о нем. В отличие от Лиотара американский исследователь считает, что «доминантные коды» не исчезают бесследно, а продолжают влиять на сознание людей, существуя в рассеянном виде всюду. В результате индивид не осознает своей «идеологической обоснованности», что характерно прежде всего для писателя, имеющего дело с таким «культурно опосредованным артефактом» как литературный текст, который в свою очередь представляет собой «социально символический акт» [3].

Положение, утверждающее, что история и общество являются тем, что может быть «прочитано» как текст, привело к восприятию человеческой культуры как единого «интертекста», который в свою очередь служит как бы предтекстом любого вновь появляющегося текста. М. Бахтин утверждает, что помимо данной действительности художник имеет дело также с предшествующей и современной ему литературой, с которой он находится в «постоянном диалоге». Центральной идеей, объединяющей труды М. Бахтина, является диалог. По мнению философа, текст живет, только соприкасаясь с другим текстом (контекстом). Только в точке этого контакта текстов вспыхивает свет, освещающий и назад, и вперед, приобщающий данный текст к диалогу [4]. Через призму интертекстуальности мир предстает как огромный текст, в котором все уже было сказано, а новое возможно только по принципу калейдоскопа, а потому для Р. Барта любой текст — это своеобразная «эхокамера». Более того, Барт убежден, что произведение не нуждается ни в каком посредничестве со стороны ученого — комментатора; бессмысленны также и всякие притязания на «расшифровку» текста.

В постмодернистских теориях Ю. Кристевой, Р. Барта, Ж. Деррида и др. литература, культура, общество, история, сам человек рассматриваются как текст, составляющий «великий интертекст» культурной традиции. У Деррида все это представляет картину «универсума текстов», в котором отдельные безличные тексты до

бесконечности ссылаются друг на друга и на все сразу, поскольку все вместе они лишь являются частью «всеобщего текста» [5].

И хотя важнейшая задача, которую ставят перед собой гуманитарные науки, в том числе философия и литературоведение, заключается по-прежнему в том, чтобы «выявить неявное», вскрыть зачастую неосознаваемые механизмы культурной деятельности человека, хотелось бы подчеркнуть, что в любом литературном произведении кроме множества неявных смыслов, есть еще и явные значения, хотя они и представляются постмодернистам весьма сомнительными. Литература как уникальный источник знаний о личности и обществе и сейчас является привилегированным материалом в исследованиях не только литературоведов, но и лингвистов, культурологов, социологов, психологов. Философы, со своей стороны, интенсивно исследуют литературные тексты, отражающие определенные философские воззрения, при этом обогащая философский дискурс романскими произведениями, драматургией и поэзией.

В. Изер, развивая антропологические аспекты своей рецептивной теории, считает, что поскольку возникающие в сознании читателя образы формируются на условиях, предлагаемых «чужим» — автором или героем произведения, то читатель формулирует эти образы, не ориентируясь на свои оценки или критерии. В этом процессе, по Изеру, литературное произведение — это переходный объект, колеблющийся между воображением как «способностью» души и вымыслом как «стратегией» автора. В. Изер отвергает как недостаточную дихотомию «вымысел — реальность», находя слово «вымысел (*das fiktive*) слишком многозначным, объединяющим разнородные психические явления. Вместо этой дихотомии В. Изер вводит триаду «вымышленное — воображаемое — реальное». Если воображение есть некая душевная «способность», то вымысел — это сознательная стратегия по использованию воображения в определенных целях. Литературный текст обозначает не столько объективную реальность, сколько отсылает читателя к чему-то несущественному в этой реальности, следовательно, «текстуальные модели» представляют собой «эвристические» решения. Вымысел — не противоположность реальности, а некое сообщение о ней. Иконические знаки вымышленного текста — это организованные означающие, которые не столько обозначают предметы, сколько дают указания, в соответствии с которыми должны создаваться означаемые [6].

Феноменологический подход, используемый Вольфгангом Изером, сосредоточен скорее на потенциальных возможностях текста как такового, на «наших ответных действиях по отношению к нему». Текст, по Изеру, оживает только благодаря читателю, который у Изера — не конкретно историческая личность, а идеальная абстракция, и роль читателя заключается в том, чтобы силой воображения заполнить пробелы в тексте. В целом, проблема взаимоотношения между текстом и жизнью стала в последнее время предметом повышенного научного интереса в самых различных дисциплинах. Нарратология как теория повествования, является, прежде всего, литературоведческой дисциплиной, играет важную роль и в теории литературной коммуникации, и в подходах рецептивной эстетики. Но если для феноменологии, как было показано выше, типична идея о «растворении» произведения в сознании воспринимающего читателя, то для постструктуралистов художественное произведение —

это, в основном, автономный объект, не зависящий ни от автора, ни от читателя. Их внимание сосредоточено на нарративе, на тех нарративных структурах, которые мы налагаем на наш опыт. Основными организующими принципами философской мысли нового времени Лиотар называет «великие истории» (идеи историзма, прогресса, просветительские представления о знании и т. д.). Для Лиотара «век постмодерна» в целом характеризуется «недоверием и метарассказами».

Но, как отмечают исследователи, есть достаточно широкие аллюзии на утонченную силу нарратива пронизывать исторический дискурс. Проблема заключается в том, что в любой культуре есть свой центр и своя периферия, или, как пишут западные ученые, «экс-центрика». Любой метанарратив всегда создается в «центре», локальные нарративы, как правило, «экс-центричны». «Экс-центричные» ученые доказывают, что субъективность конструируется чьим-то личным субъективным вовлечением в практики, дискурсы и институты, которые придают значение, ценность и смысл событиям мира [7:68].

Исследователи считают, что значение «экс-центричных» дискурсов в том, что во многом благодаря им постмодернистская теория смогла разрушить барьер между академическим миром и современным искусством, зачастую игнорируемым научным миром [8].

Возникает еще одна интереснейшая проблема — проблема валидности репрезентации и роли интеллектуальной элиты, осуществляющей эту репрезентацию. Линда Алкофф выливает проблему репрезентации в форму провозглашений модальности, отношениям социального положения и семантики высказывания. Ее цель — дать нечто, подобное этике или этико-политике говорения. Быть автором, считает Алкофф, не означает быть источником высказывания, но скорее быть уполномоченным в качестве его источника. Она вводит сложную семантику контекста: локальность скорее передает значение и правду, чем определяет их; она множественна и мобильна. Акт говорения от группы, следовательно, чрезвычайно сложен: в том смысле, что локальность не является зафиксированной сущностью, и в том смысле, что существуют отношения соперничества между локальностью, с одной стороны, и правдой. Таким образом, мы не можем низвести оценку значения и правды к простой идентификации авторской локации [9:16 – 17]. Аргументы Алкофф очень близки здесь аргументам Гайятри Спивак, когда, поднимая вопрос по влиятельнейшим замечаниям Фуко и Делеза о «фундаментальном отсутствии достоинства при говорении за других», последняя доказывает, что любой призыв к угнетаемым как к саморепрезентативным и полностью контролирующим знание своего собственного угнетения индивидам, ведет к двойному утаиванию: с одной стороны, того, что они все еще являются фактом дискурса, репрезентацией, и, с другой, — роли интеллектуалов в конструировании этой самоотрицающей репрезентации. [10].

Обсуждаемые в данной статье проблемы стали в последнее время влиятельной теоретической базой для многих исследователей не только в литературоведении и культурологии, но и в философии, политических науках, истории. Эти проблемы включают проблемы репрезентации, деконструкции (в ее политических аспектах), постколониализма и мультикультурализма, теории речевых актов и литературной критики.

Исследователи подчеркивают: диалог с теоретических позиций элитной культуры не состоялся, и вопрос в том, достижим ли такой диалог вообще, возможна ли ситуация «нейтральной коммуникации», «свободного» диалога.

Известная деконструктивистка Г. Спивак утверждает, что идея «нейтрального» диалога отрицает историю. Желание нейтральности в диалоге всегда маркирует поражение, уверена исследовательница [10]. Ученые доказывают: нужно научиться понимать, как различные желания артикулируют себя, а для этого нужно читать и анализировать текст, нарратив — исторические и институциональные структуры. Создание и продвижение таких нарративов в последнее время становится одним из эффективных идеологических каналов, однако, несмотря на всю свою актуальность, данная проблематика все еще остается малоизученной в украинской науке, но, несомненно, должна стать предметом особого внимания ученых.

Литература

1. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. — М., СПб.: Мефизм, Ювента, 1997. — 311 с.
2. Lyotard J.-F. La condition postmoderne: Rapport sur le savoir. — P., 1979. — 109 p.
3. Jameson F. The Political Unconscious. — London: Routledge, 1996. — 305 p.
4. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — Сост. С. Г. Бочаров. — М., 1986 — С. 320 – 325.
5. J. Derrida and the Humanities: A critical reader. — Cambridge Univ. Press, 2001. — 327 p.
6. Iser W. Der Act des Lesens: Theorie aesthetischer Wirkung. — Munchen, 1976. — 357 s.
7. Hutcheon L. Poetics of Postmodernism. History, Theory, Fiction. — New York and London: Routledge, 2002.
8. Власова Т. И. Постколониальная критика и теория гендера // Грани. — 4(66), 2009. — С. 66 – 68.
9. Alcoff L. The Problem of Speaking for Others // Cultural Critique. — №20, 1991 – 92.
10. Spivak G. A Literary Representation of the Subaltern // In Other Worlds. Essays in Cultural Politics. — New York, London: Routledge, 1987. — P. 241 – 268

Мунтян А. О., Власова О. П Текст та нарратив як проблема постмодерністської теорії.

У статті розглядаються актуальні проблеми сучасної наратології як теорії та практики літературознавства у світі загальних філософських поглядів постмодернізму на текст, контекст та дискурс.

Ключові слова: дискурс, розповідь, постмодернізм, текст, література, інтертекст, репрезентація, говоріння.

Muntyan A., Vlasova O. Text and narration as a problem of postmodern theory.

The article deals with the topical problems of modern narratology as a theory and practice of literary criticism from the point of view of the postmodern concepts of the text, context and discourse.

Key words: discourse, narration, Postmodernism, text, literature, intertext, representation, speaking.

Статья поступила в редакцию 30 октября 2010 г.